

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ

Архаичный патернализм как органическая часть системы “власть-собственность”

В статье предпринята попытка объяснения того, почему в российских условиях наряду с характерной для развитых стран связью идей либерализма и методов современного патернализма присутствуют и архаичные патерналистские формы. Показано, что архаизм патернализма во многом вытекает из архаизма институциональной структуры, сложившейся в стране к началу 2000-х гг. и в дальнейшем только укреплявшейся, — системы отношений “власть-собственность”. Рассматривается роль ответственности как индивида за свое жизнеобеспечение, так и “патера”, особенно в случаях освобождения индивида от возможности их самостоятельного решения. Такая монополизация “патером” данных проблем в современной иерархической системе доступа к их решению порождает в массах рост агрессивного адаптационного индивидуализма, становящегося крайне опасным при ослаблении системы.

Ключевые слова: патернализм, индивидуализм, либерализм, свобода, ответственность, “власть-собственность”.

Патернализм vs либерализм

Современные экономические теории, трактующие место государства в системе социально-экономических отношений, присущих тому или иному обществу, естественно, не могут не затронуть проблему патернализма (прежде всего, государственного, но также ограничивающегося более узким кругом — отдельной территорией, диаспорой, другими типами социальных групп). Причем можно говорить о согласии большинства ученых с тем, что по сути своей патернализм противостоит либеральным трактовкам путей экономического развития, ибо с таких позиций, с одной стороны, на “патера” перекладываются заботы о решении насущных проблем людей. С другой стороны, самим людям позволяется требовать от “патера” помощи в решении даже тех проблем, которые вполне могли бы быть решены ими самими. А в такой ситуации “патер” начинает диктовать свои условия помощи в самых разных сферах, и в результате оказывается трудно требовать от людей активности, инициативности, креативности, без которых невозможен быстрый экономический рост. Так, согласно “Экономико-математическому словарю”, под патернализмом понимается “ситуация, когда население полагает (и ведет себя), что государство возвышается над ним, ниспосланное свыше и потому имеющее право диктовать людям их мысли и поступки”. С патернализмом связывают экономические законы и меры, призванные “контролировать действия людей, отдающих предпочтение собственному благу. Патернализм несовместим с точкой зрения, принятой обычно в экономической теории благосостояния, что люди

Плискевич Наталья Михайловна — старший научный сотрудник Института экономики РАН, заместитель главного редактора журнала “Общественные науки и современность”. Адрес: 117977, Москва, Профсоюзная ул. 90. E-mail: ons@naukaran.com

являются лучшими распорядителями собственных интересов, по крайней мере в случае со здравомыслящими и трезвомыслящими людьми” (http://economic_mathematics.academic.ru/3282/).

В целом патерналистский подход, как правило, противопоставляется экономическим теориям либеральной направленности, так как последние делают упор на индивидуальные усилия людей, для которых вмешательство “патера” (если речь не идет об особых с ним отношениях) оказывается тормозом на пути развития индивидуальной предприимчивости. Думается, однако, подобная абсолютизация противопоставления патернализма и либерализма все же ошибочна. Ведь любой индивид, в том числе активный, изобретательный, креативный, живет в обществе со всеми его ограничениями и соответствующими институтами, прежде всего с государством. А потому в той или иной мере пользуется благами, связанными с таким *modus vivendi*, а часто считает рациональным воспользоваться ими как раз с целью стимулирования индивидуальной активности. Поэтому абсолютизация отрицания патерналистских тенденций может быть эквивалентна отрицанию любого “патера”, как группового, так и государственного, что при существовании людей в социуме просто немислимо. Да и классики либерализма отнюдь не были склонны к такой абсолютизации.

Так, М. Фридман в знаменитой книге “Капитализм и свобода” особо подчеркивал, что либералы – не анархисты, им не свойственно отрицание государства. Правда, приводимый им список сфер, в которых он приветствовал бы государственное вмешательство, достаточно узок, хотя в него и вписываются элементы, которые могут быть взяты на вооружение сторонниками патернализма: «Государство, которое поддерживает законопорядок, определяет права собственности, служит нам средством модификации прав собственности и других правил экономической игры, выносит третейские решения по поводу разных толкований этих правил, обеспечивает соблюдение контрактов, благоприятствует конкуренции, обеспечивает кредитно-денежную систему, противодействует техническим монополиям и преодолевает “внешние эффекты” (достаточно важные, по общему мнению, для того, чтобы оправдать государственное вмешательство), – выступает в качестве дополнительной силы по отношению к частной благотворительности и семье в деле защиты недееспособных (будь то умалишенные или дети) – такое государство, несомненно, выполняет важные функции» [Фридман 2006, с. 59–60]. Что же касается времен экономических реформ, то, согласно теории реформ В. Полтеровича, в этот период “роль государства увеличивается. В частности, эффективная модернизация требует укрепления государства (“ортодоксальный парадокс”)” [Полтерович 2007, с. 425]. Поэтому вполне справедливым можно признать замечание Т. Чубаровой, что проблема патернализма вообще и патерналистских тенденций в современной России в частности заключается отнюдь не в оправданности самого патернализма, а в степени удачности, рациональности тех или иных патерналистских практик [Чубарова 2017].

В исследованиях [Гринберг, Рубинштейн 2000; Гринберг, Рубинштейн 2013; Рубинштейн 2008; Рубинштейн 2009; Рубинштейн 2012; Рубинштейн 2013; Рубинштейн 2016] был углублен анализ патернализма в условиях рыночной системы. Усложнив анализ, введя внутрь системы экономических предпочтений “патера” влияние политического компонента жизни общества, Рубинштейн продемонстрировал развивающееся во времени в связи с этапами модернизации общества в целом и, соответственно, эволюционирующих рыночных отношений изменения в характере патерналистских подходов, изменяющихся по мере развития и совершенствования не только социально-экономических отношений, но и возрастания роли институтов гражданского общества. Оно со временем вырабатывает рычаги не только непосредственного воздействия на принятие государственных решений, но и создает свои инструменты, позволяющие выявлять сферы, нуждающиеся в помощи и поддержке, и непосредственно оказывать ее. Эти рассуждения подвели ученого к важному выводу, что “патернализм как часть экономической реальности, развиваясь во времени и пространстве, претерпевает институциональную эволюцию, имеющую явно выраженную либеральную направленность”

[Рубинштейн 2016, с. 28]. Представляется, что в данной статье, равно как и в других работах (см., например, [Городецкий, Рубинштейн 2017]), теория строится прежде всего на общем анализе эволюции либерализма в первую очередь в развитых странах. В России же наличествует связь идей либерализма и методов патернализма “часто со всеми негативными ее элементами, характерными для архаичного патернализма, когда даже либеральные идеи, не проходящие сито консоциативного отбора, перерождаются в свою противоположность” [Рубинштейн 2016, с. 28].

Архаика патернализма и институциональная архаика

Думается, что эта мысль нуждается в развитии, в выявлении причин сложившейся ситуации, которые можно обнаружить в самой истории развития российского, а затем и советского общества — общества, нередко характеризующегося как система “власти-собственности”. Общества такого типа (а к ним с разной степенью вариации можно отнести большинство современных государств) присуща основополагающая характеристика: в них отношения собственности находятся в зависимости от того, какое место собственник занимает в системе властно-иерархических отношений.

Подчиненное положение собственника, по сути зависящего от капризов властителя, вплоть до Нового времени было типичным и для тех стран, которые сегодня входят в категорию развитых. Однако к этому состоянию они пришли в результате длительной эволюции, постепенно, нередко и не бескровно меняя свою институциональную структуру, приводя ее в соответствие с потребностями технического прогресса, который, в свою очередь, получал мощные импульсы развития, именно опираясь на новые социальные институты. Каждая страна проходила этот путь по-своему, опираясь на свои социокультурные традиции. Достаточно вспомнить классическую работу М. Вебера “Протестантская этика и дух капитализма”. Но сегодня в своем эволюционном развитии многие страны протестантской культуры догнали (или догоняют) страны и конфуцианской, и иудейской, и католической, и православной культуры.

Правда, модернизация догоняющих стран, как подчеркивает, например, Л. Харрисон, — весьма сложный процесс, в ходе которого нельзя игнорировать культурный компонент как “набор факторов, формирующих развитие”, что позволяет “придать ускорение *темпу* прогресса”. При этом важно, что отдельно взятый инструмент культурных изменений “едва ли может изменить общую инерцию культуры. Необходима всесторонняя, скоординированная программа, которая охватывала бы воспитание детей, религию и религиозную реформу, образование и реформу образования, средства массовой информации, реформирование деловой культуры и политическое лидерство, приверженное демократической и капиталистической модели”. Такие реформы, по убеждению Харрисона, вполне способны к тому, чтобы общество могло быть преобразовано “во время жизни одного поколения” [Harrison 2014, с. 240, 241–242, 267; Harrison 2013, pp. 172, 173, 190]. Эти замечания важны в рамках рассматриваемой темы, так как та или иная потребность в патернализме (государственном или групповом) обычно является составляющей частью общекультурного базиса разных стран. Именно поэтому в одних странах он относительно легко преодолевается, а в других становится серьезной социально-экономической проблемой.

Однако, помимо сказанного, в том, что касается эволюционного развития нашей страны, нельзя не учитывать его особенностей, грубых просчетов, налагающих на отечественную институциональную культуру свой отпечаток. Как страна “догоняющего развития” она неоднократно стремилась быстро наверстать отставание в той области, которую властители на протяжении веков считали наиболее важной для укрепления государства, — военно-политической. При этом проводимые реформы, крайне болезненные для населения, к тому же осуществлялись методами мобилизационных рывков, не сопровождались соответствующими изменениями в институциональной и социокультурной сферах. Это происходило не из-за того (или не только из-за того),

что на неподготовленную почву внедряются чуждые институты, а из-за того, что *необходимые властным элитам технические и организационные новации насаждаются методами, привычными для устаревшей системы.*

Такой способ проведения модернизационных преобразований не мог не создавать сильные социальные напряжения. Причем эти напряжения, как правило, обусловленные инструментальными изменениями, проводимыми с опорой на традиционалистскую институциональную среду, достаточно тяжело сказываются на последней. История “догоняющих” стран, особенно тех, что неоднократно предпринимали попытки мобилизационных рывков, накладывает свой отпечаток на институциональную структуру страны. И эти “институциональные рубцы” прошлого нередко создают проблемы, гораздо более серьезные, чем те, с которыми в свое время сталкивались развитые страны, прошедшие свой эволюционный путь. Они существенно осложняют продвижение вперед стран-аутсайдеров, вынуждают их искать нетривиальные решения для преодоления последствий неудачных попыток вырваться из ситуации отставания, возможно, предпринятых за несколько веков до этого (см. [Плискевич 2016]).

Именно наличие таких институциональных “рубцов” и связанных с ними искажений во всей сфере социально-экономической жизни общества вело к тому, что государство, стремясь удержать эту искаженную, а потому и не очень устойчивую институциональную конструкцию, брало под свой контроль и те сферы жизни общества и отдельных граждан, которые в этом по сути своей не нуждались. Не вдаваясь в историю как дореволюционных, так и советских попыток такого контроля, можно констатировать их новое развитие после переинституционализации системы “власти-собственности” уже в постсоветский период. Он выражался в стремлении государства к максимальному контролю над всеми сторонами жизни общества. Эта тенденция особо усилилась начиная с 2000-х гг. А если, с одной стороны, мы наблюдаем такой контроль государства, то с другой — естественно столь же стремительное нарастание патерналистских настроений, причем в достаточно архаичной форме.

Такое разрастание потребности масс в патернализме прежде всего со стороны государства вытекает в первую очередь из специфических форм новой институциональной системы “власти-собственности”, сложившихся уже в XXI в. В них проявляется обратная сторона политики государства, стремящегося поставить под свой контроль не только те сферы, которые присущи ему по определению, но и безразмерно их расширить. Важнейшим инструментом достижения такого контроля стали законодательно оформленные методы финансирования тех видов деятельности, которые формально остаются прямо не зависимыми от государства. Тут можно вспомнить и бизнес, успех которого во многом связан с выстраиванием “отношений” с государственными органами, и проблемы огромного сектора экономики, нацеленного прежде всего на удовлетворение потребностей тех или иных наших сограждан, — НКО.

Люди, работающие в разного рода НКО, с одной стороны, в наибольшей степени составляют ту часть нашего общества, которая, убедившись в неспособности государства (или недостаточности его усилий) решить самые разные жизненные проблемы людей, формируют страту, в наименьшей степени рассчитывающую на патерналистскую помощь государства. Но с другой стороны, реалии повседневной жизни, подкрепленные принятыми в последнее время законами, ограничивают деятельность НКО. Их финансирование теперь или непосредственно зависит от государства, или требует получения от него “благословения”. Это вынуждает принимать неизбежность зависимости от “патера”, признавать победу патернализма в современных российских условиях. Тем более что, хотя закон и не фиксирует это, но реальная правоприменительная практика свидетельствует: над любым НКО, даже крайне далеким от политики, но получающим зарубежный грант, в случае какого-либо “ослушания” по отношению даже не к государству, а к каким-то местным чиновникам висит угроза быть объявленным “иностранным агентом”, что *de facto* в большинстве случаев означает прекращение деятельности. Такие ситуации уже не раз были, например, с экологическими организациями.

Нельзя не отметить еще одну причину тяги большинства постсоветского населения к архаичным формам патернализма. Она связана с революционным сломом в начале 1990-х гг. привычных институциональных форм жизнедеятельности. В такой ситуации оказывались не только молодые люди, лишь начинающие трудовую или новую, предпринимательскую, деятельность и имеющие еще силы молодости, достаточные для преодоления трудностей. Хотя и молодежи в этой ситуации было нелегко. Ведь в период такого институционального слома “нормальная” (институциональная) передача норм, ценностей и групповых представлений от одной социальной группы к другой становилась невозможной. Имели место отрывы или разрывы культурного и социального воспроизводства, дефициты регуляции, что влекло за собой и нарастающую девальвацию культивируемых ранее форм социального поведения, “варваризацию” высших уровней нового общества” [Гудков 2009, с. 10].

Но гораздо больнее такая ситуация сказалась на более старших возрастных группах, особенно тех, кто уже десять или более лет затратили на овладение интересной и относительно хорошо оплачиваемой профессией, накопили достаточный человеческий капитал, который вдруг обесценился и его носитель неожиданно потерял все преимущества привычного положения. Типичны в условиях резкой революционной смены общественной системы ситуации, когда при востребованности ранее накопленного человеческого капитала старые институты, благодаря которым он мог реализовываться, конвертироваться в другие (прежде всего денежный) виды капитала, оказывались разрушенными, а новые институты еще не были созданы. Разумеется, есть сферы, где старые умения и навыки оказываются не нужными в новых условиях. Однако большой слой носителей человеческого капитала оказывается в условиях, когда его знания и умения, с одной стороны, остаются нужными обществу, а с другой – институты, с помощью которых эти знания и умения могут получить общественное признание, разрушены или нормальное их функционирование временно заблокировано. И лицам, чья деятельность ранее обеспечивалась старыми институтами, приходится искать средства к существованию в других видах деятельности, не связанных с реализацией накопленного в предшествующий период человеческого капитала.

Создается ситуация, когда часть накопленного человеческого капитала общества оказывается как бы “законсервированной”, и от того, какие произойдут изменения в обществе, будут ли созданы новые институты, позволяющие дать новую жизнь старому человеческому капиталу или “разблокируются” старые институты, зависит и то, сможет ли он реализоваться в новых условиях. Тем более что в современном быстро меняющемся мире человеческий капитал – “скоропортящийся товар”. Не только для его развития, но и для простого поддержания требуется каждодневная работа его носителя над расширенным воспроизводством. Причем чем выше качество накопленного человеческого капитала, тем чувствительнее он к перерывам в процессе его воспроизводства, тем короче интервал, по истечении которого начинается быстрая его деградация.

Пережившие годы кардинальной ломки всех привычных ранее социально-экономических отношений и соответствующей им институциональной структуры, не сумевшие вписаться в новые условия и часто потерявшие в социальном статусе, люди во всем винили государство. Ведь именно оно затеяло болезненные реформы. И эти люди все более проникались патерналистскими настроениями, полагая, что государство или, в крайнем случае, их предприятие должны решить возникшие в ходе реформ новые проблемы. Государство же обращало внимание и оказывало поддержку в первую очередь тем социальным группам, с которыми представлявшие его чиновники разных уровней строили отношения во вновь институционализированной системе “власти-собственности”, а также тем группам, со стороны которых вновь утвердившаяся власть чувствовала угрозу. Тем самым *de facto* оставаясь основным “патером”, постсоветское государство деформировало важнейший принцип патернализма, обычно не отмечаемый в философских и социологических определениях, но часто фиксируемый правоведами. Так, В. Вовк определяет патернализм как “правовой и культурный

феномен, отражающий соотношение прав и *обязанностей* (курсив мой. — *Н.П.*), то есть материальной части права” [Вовк 2010]. К этому определению стоит добавить также, что для развитых патерналистских отношений необходимо включающее в себя фактор обязанностей развитое чувство *ответственности*, причем как опекаемых субъектов, так и самого “патера”.

Ответственность в системе патерналистских отношений

Обычно при изучении патернализма такой элемент, как ответственность, не включается в анализ. Как правило, ограничиваются противопоставлением патернализма и свободы, что для развитых стран логично. Ведь свобода, как ее понимают и либералы, и консерваторы, включает в себя и ответственность, так как свобода действий разумного, рационального человека подразумевает и внутренние моральные ограничения, и подчинение строго прописанным правилам законодательства. Тем она отличается от “воли” как ничем не ограниченного проявления собственных желаний. Однако для изучения специфики патерналистских отношений в нашей стране введение в анализ категории “ответственность” представляется особенно важным.

Здесь нельзя забывать и специфику развития России, где мобилизационный рывок Петра I не только не привел к ослаблению господствовавшего в стране крепостничества, но, напротив, сделал его одним из инструментов преобразований, распространив и на ту сферу экономических отношений, в которой оно отсутствовало в странах, служивших ему образцом, — на промышленность. Об этом пишет, в частности, А. Аузан, подчеркивая различие в действиях Ж.-Б. Кольбера во Франции, который использовал насилие, “чтобы загнать люмпена в систему наемного труда”, и Петра I, применявшего насилие, “чтобы, оставляя крестьян в крепостном состоянии, свести их с традиционного для них земледелия, переместить на другие объекты, приписать к заводам” [Аузан 2007^a, с. 417]. И такая логика поведения следовала общей логике развития крепостничества в России, где, в отличие от Европы, в аграрных отношениях редким ресурсом был человек, земельный же ресурс был в избытке. Поэтому традиционно власть использовалась для того, чтобы закрепить редкий ресурс — человека — за огромным земельным ресурсом (см. об этом [Аузан 2007^b, с. 56]). Крепостное же состояние по сути своей означает снятие ответственности за собственное существование и передачу его крепостнику либо государству.

Страна прожила всего полвека после отмены крепостного права, не успев наработать новые навыки. Затем, в период господства советской модели хозяйствования присущий ей монополизм как в распределении жизненно необходимых благ, так и в представлении государства (за редчайшими исключениями) единственным работодателем, то есть единственным источником легальных средств к существованию, еще более усугубил патерналистские настроения у населения. Сам строй жизни внушал человеку, что от него ничего не зависит, а требуемые блага ему должен выдать “патер” в соответствии с его местом в иерархической структуре общества. Последняя, даже если расценивалась как несправедливая, принималась как данность, естественная зависимость от властей предрежащих.

Этот феномен отмечался неоднократно. В частности, в известном учебнике “Теория государства и права” под редакцией С. Алексеева отмечается: “Российская многовековая традиция патернализма нашла свое воплощение в мелкобуржуазном вождизме, характерном для многомиллионной крестьянской массы” [Теория... 2005]. Пренебрежение социокультурной модернизацией в советский период, более того — опора на традиционалистские социокультурные формы, их ужесточение и укрепление, привело к тому, что при всех успехах индустриализации и урбанизации глубинные социокультурные опоры “человека советского” в массовых слоях оставались нетронутыми (см., например, [Советский... 1993; Левада 2011]).

Об ошибочности трактовки событий начала 1990-х гг. как перехода к либеральному обществу, а не к очередному этапу локализма (ослабление центральной власти и перехват

части ее полномочий низовыми структурами), характерного для отдельных этапов развития российской цивилизации, уже в 1992 г. говорил А. Ахиезер [Ахиезер 1997]. Локализм же в отличие от либерализма сохранял в своей культурной традиции требования патерналистской опеки архаичного типа, пусть и спустившейся с общегосударственного на более низкий уровень — областной (республиканский) или же отдельного предприятия. В то же время и руководители таких предприятий представляли как “патеры” своих трудовых коллективов, хотя и не обладали реальными ресурсами для этого. Однако позиция руководителя предприятия, за которым стоит многотысячный коллектив, в торге за ресурсы с правительством всегда была более прочной: многочисленный коллектив оказывался фактором дополнительного давления. С его помощью до сих пор многие нерентабельные предприятия страны удается спасти от банкротства. В то же время сами понадеявшиеся на локального “патера” обычно получают крайне скудную долю от полученной с помощью такого давления поддержки. В целом же в данной ситуации люди реагировали на новые трудности и проблемы привычным по советской модели хозяйствования образом.

Но с начала реформ привычные стереотипы патерналистского поведения в подавляющем большинстве случаев оказались невозможны: у государства на проведение прежней политики в ситуации крайне разбалансированной экономики просто не было средств. И тем болезненнее восприняло большинство начало реформ, когда вдруг оказалось, что государство не может выполнять взятые на себя обязательства и ответственность за собственное выживание, за выживание своей семьи должен был взять на себя сам индивидум. С тем большим удовлетворением были восприняты перемены 2000-х гг., когда с появлением нефтедолларов возникла возможность решения ряда социальных проблем. Хотя возможности эти при той экономической модели, которая утвердилась в те годы, с одной стороны, не были достаточны для реализации всех накопившихся обязательств, а с другой — по-прежнему не удовлетворяли население, большая часть которого не только считала нормой получение благ привычным способом, но и часто не имела возможностей его изменения. Это связано с тем, что значительная часть работающих получает заработную плату, не хватающую для нормального воспроизводства рабочей силы. Даже в наиболее “тучные” годы среди бедного населения оставалась большая часть работников, получающих крайне низкую заработную плату (см. табл. 1). Продолжала действовать “система низких зарплат”, выстроенная в советской экономике, но не изжитая до сих пор [Плискевич 2010]. В такой ситуации значительная часть работающего населения по-прежнему не может отказаться от архаичных форм патернализма, не имея реальных источников дохода, достаточных для того, чтобы взять на себя ответственность за решение целого ряда своих проблем.

Не удивительно поэтому, что проведенная в 2005 г. так называемая “монетизация льгот” вызвала резкие протесты, особенно в крупных городах, где даже были случаи

Таблица 1

Распределение малоимущего населения России по группам в 2002–2007 годах
(в %; все малоимущее население страны по каждому году — 100%)

Годы	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Экономически активное население	61,2	60,5	60,2	60,2	60,5	61,1
Занятые в экономике	58,7	58,2	58,1	58,4	58,7	59,4
В том числе:						
работающие пенсионеры	2,9	3,0	3,3	3,5	3,8	4,1
Безработные	2,4	2,3	2,1	1,9	1,8	1,7
Экономически неактивное население	38,8	39,5	39,8	39,8	39,5	38,9
В том числе неработающие пенсионеры	16,1	16,2	15,7	15,0	15,1	15,1

Источник: [Социальная... 2010, с. 181].

перекрытия магистралей гражданами. С одной стороны, благодаря этой реформе государству удалось “сбросить” с себя часть законодательно прописанных обязательств, которые *de facto* во многих случаях просто не выполнялись. Но с другой стороны, под воздействием протестов пришлось вернуть ряд натуральных льгот (бесплатные лекарства для инвалидов, бесплатный проезд в городском транспорте для пенсионеров и т.п.). В результате сложилась двойная система, где сосуществуют и денежные выплаты (не компенсирующие реальных затрат), и ряд натуральных льгот, а также дотирование ряда услуг из числа тех, что традиционно практически не оплачивались непосредственно гражданами в советский период (ЖКХ, транспорт и т.п.). Причем с падением нефтедолларовых доходов у властей сокращаются возможности поддержания *status quo*. То тут, то там делаются попытки сократить и денежные выплаты, и натуральные льготы, и дотации. Но все это, как и прежде, встречает активный протест населения, так и не получившего в основной массе своей возможностей самостоятельного решения данных проблем.

А это сохраняет базу для существования в стране архаичного типа патернализма. Свидетельство тому — данные социологических опросов (см. табл. 2). Так, на вопрос о том, что респонденты полагают предпочтительным способом оказания поддержки населению, в течение почти 20 лет, по данным Левада-Центра, более 70% придерживались архаично-патерналистских позиций. От 16 до 20% склонялись к более современным вариантам государственного патернализма и лишь 2–4% придерживаются строгих принципов ответственности человека за собственную судьбу и необходимости самостоятельно решать возникающие у них социальные проблемы (отмечу, что эта цифра существенно меньше тех оценок в 15–20% населения, которые успешно вписались в новую жизнь)

Таблица 2

С какой из следующих точек зрения по поводу социальной защиты населения вы могли бы скорее согласиться (в %)

Годы	1999	2005	2008	2011	2014	2015	2016
Государство должно обеспечивать нормальный уровень благосостояния всем гражданам	52	53	61	47	50	46	52
Государство должно обеспечивать помощь всем, кто попал в трудное положение, например лишился работы и т.п.	25	23	18	29	26	29	25
Государство должно обеспечивать помощь только тем, кто не в состоянии позаботиться о себе сам: пенсионерам, инвалидам, сиротам	17	18	17	20	18	19	17
Люди должны сами заботиться о себе и сами обеспечивать себе нормальную жизнь без какой-либо помощи государства	3	3	2	2	4	3	4
Затруднились ответить	2	3	2	3	2	3	2

Источник: [Общественное... 2017, с. 22].

В то же время нельзя не отметить несоответствие этих данных, которые можно рассматривать как пожелания респондентов, отражающие их представления о справедливости, с результатами другого опроса Левада-Центра, которые фиксируют уже реалистичные представления о том, как на деле функционирует система социальной защиты населения (см. табл. 3). Согласно этим данным, также стабильным за все годы наблюдения, более 70% отвечают, что при возникновении каких-то социальных проблем они рассчитывают на собственные силы. Цифра же надеющихся на помощь государства колеблется вокруг 20%.

На что вы сейчас больше рассчитываете? (в %)

Годы	1996	1998	2008	2011	2014	2015	2016
На собственные возможности и силы	75	78	79	74	71	75	78
На социальную защиту и поддержку со стороны общества, государства	20	17	18	23	25	22	18
Затруднились ответить	5	4	3	3	4	3	5

Источник: [Общественное... 2017, с. 22].

Это противоречие ярко демонстрирует реалии социальной политики современного российского государства как “патера” и отношение его к категории “ответственность” применительно к своим действиям и предпочтениям. Представляется, что именно политика государства оказывается ключевым элементом в формировании качества того патернализма, которое утверждается в идеологических установках общества. Его реальные действия, предпринимаемые с целью поддержки тех или иных видов деятельности, социальных групп, формирование условий для увеличения многообразия видов и форм деятельности независимых от него субъектов и экономической, и социальной, и культурной сфер, равно как и создание институтов независимого всестороннего обсуждения и контроля принимаемых самим государством решений, в итоге отражаются в том или ином типе патерналистских отношений, которые выделены в [Рубинштейн 2016].

И если мы в XXI в. фиксируем в России признаки не современных видов патернализма, нацеленных прежде всего на развитие человека, наращивание его человеческого капитала как наиболее эффективного в современной экономике, а архаики патерналистских отношений, то это свидетельствует об архаике самого государства — “патера”, даже если формально в нем функционирует набор современных институтов. А это, в свою очередь, свидетельствует и об отсутствии у такого “патера” (точнее — тех влиятельных элит, которые приняли на себя данную функцию) ответственности перед обществом в целом и отдельными его членами за проводимую политику. Потому что государство, как отмечают многие исследователи, несет ответственность за экономический порядок как целое (см., например, [Бёргин 2017, с. 73; Burgin 2012, р. 59; Lippman 1934, р. 46].

Такая ситуация в постсоветской России сложилась прежде всего потому, что начатые на рубеже 1980–1990 гг. преобразования не привели к главной — твердой линии на демонтаж отношений “власти-собственности”. В результате, как отмечалось уже в начале 2000-х гг., произошла переинституционализация этой системы [Нуреев, Рунов 2002]. В течение же всех 2000-х гг. отношения “власти-собственности” лишь укреплялись, обретали как новые правовые формы, так и теневые (нелегальные). Такие изменения не могли не сказаться на качественных характеристиках патернализма. Они поддерживали в данной системе монополизм, прежде всего монополизм “патера” (равно как и “патеров” более низких уровней системы)¹.

Правда, при характеристике “патеров” разных уровней важно сделать оговорку, что на деле в этой роли действует не некий Левиафан, а выступает бюрократический

¹ Как уже отмечалось, выстроенную в 2000-х гг. конструкцию трудно идентифицировать как “вертикаль власти”. Это, скорее, сложная система из трех связанных между собой пирамид, каждая из которых на региональном и местном уровне по принципу матрешки включает в себя свои “пирамидки”, с одной стороны, подчиненные вышестоящим субъектам процесса, а с другой — живущие своей жизнью и своими интересами. Были выделены три вида таких сложносоставных пирамид — административная, экономическая и силовая, постоянно конкурирующие между собой за ресурсы и решающие возникающие проблемы, исходя не из общего блага, а из того, какая из пирамид в данном случае окажется сильнее [Плискевич 2015].

и силовой аппарат, чиновники разного уровня. В условиях неустоявшейся переходной конструкции, каковую и представляет собой институциональная система, находящаяся в стадии глубоких преобразований, у субъектов, олицетворяющих государственный аппарат, появляются особые возможности. Они гораздо более обширные, чем в странах, уже прошедших этот этап эволюции, по использованию оказавшихся в их руках государственных ресурсов не только в интересах общего блага, а и в личных целях. Коррупция обретает невиданные ранее масштабы.

Такая ситуация, достаточно быстро становящаяся достоянием широких слоев общества, подрывает *доверие* к любым, даже самым разумным государственным решениям. Доверие подрывается и к тому, что в лице чиновников государственного аппарата выступают ответственные перед обществом менеджеры высокого класса. Особенно обостряется ситуация тогда, когда преобразования затягиваются, останавливаются на полпути или даже происходит откат назад (как произошло у нас с переинституционализацией системы “власти-собственности”). Причем в данном случае, по мнению Дж. Хеллмана, даже в случае повышения уровня жизни большинства населения дальнейшие преобразования блокируются не столько протестами пострадавших от изменений, сколько позицией “промежуточных выгодоприобретателей” — тех, кто извлекли выгоду на этапе частичных реформ [Hellman 1998].

А. И. Бусыгина и М. Филиппов отмечают по этому поводу, что многих из таких “ранних выгодоприобретателей” “весьма устраивает ситуация половинчатых реформ, поскольку именно она позволяет им удерживать свои позиции и получать разные виды ренты как от государства, так и от общества. Представители группы выигрывающей от половинчатого характера реформ, будут стремиться к сохранению сложившейся ситуации до тех пор, пока она не перестанет приносить им выгоду” [Бусыгина, Филиппов 2012, с. 39]. В такой ситуации, к тому же осложненной крайне низкими этическими стандартами значительной части отечественной бюрократии (см. об этом, в частности, [Оболонский 2016]), совершенно естественна потеря доверия “низов” к государственным инициативам, их желание обойти выстраиваемые государством схемы легального хозяйствования и уйти в “тень”. А это, в свою очередь, ведет к стойкой потере доверия государственных чиновников ко всем неподконтрольным им действиям в любой сфере (предпринимательской, благотворительной, культурной и т.п.).

В таких условиях государство стремится взять под свой прямой или косвенный контроль все эти виды деятельности. Крайне суженной оказывается свобода в выборе сферы занятий. Предпринимательство обкладывается со всех сторон разного рода проверками, несмотря на неоднократные заявления о необходимости их сокращения и упорядочивания. Это сужает возможности трудоустройства для обычных граждан, сокращает сферу получения ими легальных доходов, и, как побочный эффект, возрастает необходимость их патерналистской опеки в ее архаичном виде. Причем большинство граждан в сложившихся условиях, воспринимаемых ими как явно несправедливые, требуют этой опеки, считают ее вполне оправданной и охотно стремятся переложить (если могут) на “патера” ответственность за решение многих своих проблем, которые в иных условиях вполне могли бы быть разрешенными ими самими.

Однако отсутствие доверия к неподконтрольным структурам, установление монопольного контроля над максимально возможным объемом общественной жизни ведут к тому, что только государство (или лица, получившие от него специальное разрешение) оказываются в положении легального “патера”. Патернализм возвращается к своим архаичным формам, при которых “патер”-государство (на всех уровнях) оказывается перед гражданами в роли единственного, кто официально может помочь в тех или иных ситуациях. Привлечение же бизнеса к филантропической деятельности оказывается под особым контролем. Дело не ограничивается прямыми указаниями на выделение средств на те или иные общественные нужды (нередко не входящие в сферу интересов самих владельцев бизнеса), но и размеры таких “предложений, от которых нельзя отказаться”, могут даже превышать возможности этих бизнесов, ставя их в сложное положение. Хотя обычно это происходит под лозунгом “социальной

ответственности бизнеса”. Исследование Т. Заславской и М. Шабановой показало, что у бизнесменов, попадавших в ситуации вынужденных спонсорства и благотворительности, более низкий, чем в среднем, уровень доверия к любым властным структурам [Заславская, Шабанова 2012]. В значительном числе случаев такая “благотворительная” активность фирмы воспринимается “не столько как удовлетворение личных моральных потребностей руководства”, сколько как “конструктивный для всей организации процесс” [Потенциал... 2010, с. 329]. А согласно другому исследованию, вынужденное спонсорство местных и региональных проектов оказывается в числе факторов риска передела собственности [Капелюшников 2012, с. 152].

Таким образом, даже значительная часть финансирования различных социальных, культурных и т.п. программ *de facto* попадает в сферу властного контроля. Это, по сути, лишь подкрепляет монопольную роль государства как почти единственного источника средств для реализации соответствующих проектов. Такая система, по мысли ее создателей, позволяет поставить под контроль (объективный или субъективный) тех, кто пока не нуждаются в подобной поддержке, но знают, что именно этот ее вариант политически наиболее безопасен, равно как и максимально широкие слои населения, а также потенциальных акторов на поле экономической деятельности. Не случайно в последние годы резко ужесточены законы об НКО, введены законодательные ограничения на волонтерскую деятельность. Все это — яркие проявления патернализма в его архаичной форме.

Однако в данную конструкцию оказывается встроен один момент, расшатывающий всю систему изнутри. Государство, прямо или косвенно сосредоточив в своих руках большинство средств для реализации разных видов некоммерческой деятельности — от социальной до культурной, — тем самым принимает на себя ответственность за их достаточное финансирование. Но, приняв на себя такую ответственность, оно, как правило, не способно удовлетворить все взятые под свой патронат потребности, а этого требует от него патерналистски настроенное население: ведь с него формально снята ответственность за решение взятых под патронат проблем. В результате *de facto* начинают выстраиваться приоритеты финансирования различных нужд государства. На первом месте обычно оказываются “оборона и безопасность”, что соответствует существующей концепции национальной безопасности страны, где приоритеты выстроены в следующем порядке: “государство — общество — человек”². На остальные нужды — и здравоохранение, и образование, и наука, и культура, и другие необходимые для современного человека сферы, которые человек при современном уровне зарплат или не может оплатить, или оплачивает с большим трудом, — как в советское, так и в постсоветское время средства выделяются по остаточному принципу.

Такая ситуация, с одной стороны, стимулирует людей к поискам дополнительных средств для решения своих проблем. Однако в условиях почти тотального контроля со стороны государства за легальными финансовыми потоками и провозглашения его основным легальным “патером”, в большинстве сфер жизни общества официально взвешив на себя эту ответственность, не происходит ослабления патерналистских настроений архаичного типа. При этом развивается теневая активность населения на самых разных уровнях — от индивидуального до корпоративного. Вывод же части обращающихся в стране средств в сферу теневого оборота увеличивает проблемы государства по сбору налогов, необходимых для финансирования взятых на себя обязательств. В результате рушится доверие и населения к “патеру”, пренебрегающему своей ответственностью за поддержание жизненно важных для людей сфер, и “патера”

²Интересно, что в январе 1990 г. академик Ю. Рыжов, будучи народным депутатом СССР, председателем Комитета Верховного Совета СССР по науке, образованию, культуре и воспитанию, на заседании Президиума Верховного Совета СССР предложил иную концепцию национальной безопасности, на первое место ставящую безопасность человека, из которой уже вырастали безопасность и общества, и государства. Это предложение тогда поддержал М. Горбачев — еще Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Была создана комиссия по разработке концепции, но она смогла проработать чуть более двух месяцев, а затем была распушена, так и не завершив работу.

к населению, в котором он усматривает четкие тенденции к уклонению от своих обязательств по уплате необходимых казне средств.

С другой стороны, так как институциональная система “власти-собственности” продолжает функционировать, действуют и присущие ей иерархические принципы распределения благ. В таких условиях при господстве у большинства населения патерналистских принципов, они начинают сочетаться с принципами индивидуалистическими, так как возможность получения от “патера” официально положенного по закону блага требует существенных индивидуальных усилий (или размещения на более высоких ступенях иерархической лестницы). Однако такое сочетание архаичного патернализма с индивидуализмом придает последнему отнюдь не созидательные черты, столь важные при модернизации страны. Г. Дилигенский еще в 1990-е гг. отметил особый тип искажения личностных черт в условиях государственно-патерналистской культуры. Родается “своеобразный адаптационный индивидуализм, мало похожий на западный, он не ориентирован на свободную деятельность индивида, сочетается с социальной пассивностью во имя групповых интересов” [Дилигенский 1997, с. 277].

Эти особенности агрессивного адаптационного индивидуализма необходимо учитывать, разрабатывая стратегии модернизации, перехода к рыночной экономике с встроенными в нее более развитыми формами патернализма. То есть сам процесс такого перехода встречает сопротивление не только лиц, встроенных в структуры официального (или неофициального) “патера” (в нашем случае в их число входит страта “промежуточных выгодоприобретателей”), но и не входящих в систему существующего архаичного патернализма ярких представителей агрессивного адаптационного индивидуализма. Последние вполне способны при попытках продолжить реформы как в экономической, так и в политической области “перескочить” в страту промежуточных выгодоприобретателей и влить в нее новые силы по блокировке реформ.

А. Городецкий и А. Рубинштейн полагают, что современные задачи страны в свете концепции социального либерализма и теории опекаемых благ — “создание сильных институтов гражданского общества и сбалансированной системы государственного управления” [Городецкий, Рубинштейн 2017, с. 34]. По сути, это требует кардинального пересмотра как государством — “патером”, так и гражданами всей системы их ответственности. Кроме того, такая генеральная цель недостижима без качественного повышения уровня доверия на всех уровнях социально-экономической структуры, а также между ними. Ведь доверие — важнейший элемент здоровья рыночных отношений.

Представляется, что именно эти факторы лежат в основе перехода социально-экономических отношений из сферы конкуренции в сферу сотрудничества, который Полтерович усматривает в качестве важнейшего аспекта перехода к новой постиндустриальной экономике [Полтерович 2015]. Однако важно учитывать и то, что путь к органическому внедрению моральных качеств, необходимых для современной экономики, в том числе и ответственности как перед собой, так и перед обществом в целом, достаточно длителен. Так, С. Боулз указывает, что в странах старого капитализма присутствует живая гражданская культура, для которой характерно следование социальным нормам сотрудничества и “щедрости”, тогда как в обществах, где рыночные отношения распространились не так давно эти качества проявляются в гораздо меньшей степени [Боулз 2017, с. 161].

При всем отрицании методов архаичного патернализма и переходе к его более современным формам, опирающимся на встроенный контроль гражданского общества над всеми стадиями разработки, принятия и реализации решений, предлагаемого властными структурами в сочетании со встречным движением низовых инициатив и их реализации органами власти, нельзя не признать, что путь такого перехода и труден, и достаточно длителен. Его должны пройти не только повышающие свое мастерство активисты гражданского общества и просто граждане, но и те, кто олицетворяют сегодня “патера”, прежде всего наиболее дальновидные члены этой коалиции. Вспомним, что Полтерович отмечает: успехи модернизации достигались теми государствами,

причем государствами сильными, которые, проводя разнообразные преобразования, смогли “подавить избыточную распределительную активность и вместе с тем допустить становление гражданского общества” [Полтерович 2007, с. 283].

Поэтому в России на современном этапе представляется преждевременным признание ложной дилеммы “слабое или сильное государство” [Городецкий, Рубинштейн 2017, с. 34]. Само сохранение в структуре общественных отношений архаичного патернализма свидетельствует о слабости существующей государственной конструкции. Причем это государство не только слабое, но и большое, рыхлое и неповоротливое. Оно включает в себя пирамидальные конструкции системы “власти-собственности”, о которых речь шла выше, а потому нацеленные прежде всего на обслуживание корпоративных интересов социальных групп, включенных в него на разных этапах государственной иерархии. Это придает архаичному патернализму как естественному атрибуту такого государства иерархический оттенок, затрудняющий борьбу с ним в общегосударственном масштабе.

Задача, думается, прежде всего в постепенном демонтаже институциональной системы “власти-собственности”, а значит, и условий для существования архаичного типа патернализма. Важен постепенный переход управления к диктуемым потребностями современной экономики и всего общественного развития к более гибким современным схемам, основанным на доверии к человеку и предоставлении ему свободы. Однако такой переход не может произойти без осознания правящими элитами неотвратимости такого движения и, как отмечали Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст, к принятию тех пороговых условий, с которых начинается движение к новому, зрелому, государству с “порядками открытого доступа” [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011, с. 76].

Только такой подход открывает возможности демонтажа устаревших институтов, а вместе с тем, и естественному преобразованию патернализма в более современные формы — мериторную, асимметричную, консенсуальную [Рубинштейн 2016, с. 26–27]. Ведь патернализм — часть реальности любого сообщества, в котором есть сильные и слабые отрасли, производящие прибыль, и отрасли, призванные служить накоплению новых знаний и культуры в целом, не дающие прямого дохода, но без которых в будущем прогресс немислим. Поэтому более чем назревшие институциональные изменения в нашей стране необходимы и для качественного перерождения ныне господствующего типа патерналистских отношений, а значит, более рационального использования ограниченных средств для поддержки как наиболее слабых слоев общества, так и прорывных проектов, без реализации которых страна не сможет существовать как передовая информационная, постиндустриальная держава.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А.А. (2007^б) “Колея” российской модернизации // Общественные науки и современность. № 6. С. 54–60.
- Аузан А. (2007^а) Пора решиться на переучреждение государства // Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М.: Новое издательство. С. 407–422.
- Ахиезер А.С. (1997) Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Бёргин Э. (2017) Великая революция идей. Возрождение свободных рынков после Великой депрессии. М.: Мысль.
- Боулз С. (2017) Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменяют хороших граждан. М.: Издательство Института Гайдара.
- Бусыгина И., Филиппов М. (2012) Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М.: Фонд “Либеральная миссия”.
- Вовк В.Н. (2010) Патернализм в российском правовом менталитете. Краснодар: Автореф. канд. дис. (<http://av.disus.ru/avtoreverat/1736254-1-paternalizm-rossiyskom-pravovom-mentalitete.php>).
- Городецкий А.Е., Рубинштейн А.Я. (2017) Некоторые аспекты экономической теории государства. М.: ИЭ РАН.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2013) Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир.

- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. (2000) Экономическая социодинамика. М.: ИСЭПресс.
- Гудков Л.Д. (2009) Условия воспроизводства “советского человека” // Вестник общественного мнения. № 2. С. 8–37.
- Дилигенский Г.Г. (1997) Российские архетипы и современность // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. Под общей редакцией Т.И. Заславской. М.: МВШСиЭН; Интерцентр. С. 273–279.
- Заславская Т.И., Шабанова М.А. (2012) Успешные экономические акторы как потенциальная модернизационная общность. Статья 1. Социальные особенности взаимодействия в проблемной институциональной среде // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–23.
- Капелюшников Р.И. (2012) Незащищенность прав собственности и ее экономические последствия: российский опыт // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 150–153.
- Левада Ю.А. (2011) Сочинения: проблема человека. М.: Издатель Е.В. Карпов.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Нуреев Р.М., Рунов А.Б. (2002) Назад к частной собственности или вперед к частной собственности? // Общественные науки и современность. № 5. С. 5–23.
- Оболонский А.В. (2016) Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М.: Мысль.
- Общественное мнение – 2016. Ежегодник (2017). М.: Левада-Центр.
- Плискевич Н.М. (2010) “Система низких зарплат” – институциональная ловушка постсоциалистической экономики // Журнал Новой экономической ассоциации. № 5. С. 125–146.
- Плискевич Н.М. (2015) Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства // Мир России. № 1. С. 8–34.
- Плискевич Н.М. (2016) “Path dependence” и проблемы модернизации мобилизационного типа // Мир России. № 2. С. 123–143.
- Полтерович В.М. (2015) От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. № 4. С. 41–64.
- Полтерович В.М. (2007) Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Потенциал и пути развития филантропии в России (2010) Под ред. И.В. Мерсияновой и Л.И. Якобсона. М.: ВШЭ.
- Рубинштейн А.Я. (2008) К теории рынков “опекаемых благ”. М.: ИЭ РАН.
- Рубинштейн А.Я. (2009) К теории рынков “опекаемых благ”. Статья 1. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. № 1. С. 139–152.
- Рубинштейн А.Я. (2013) Опекаемые блага в оптике сравнительной методологии. М.: ИЭ РАН.
- Рубинштейн А.Я. (2016) Социальный либерализм и консоциативный патернализм // Общественные науки и современность. № 2. С. 5–38.
- Рубинштейн А.Я. (2012) Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. № 6. С. 13–34.
- Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. (1993) Отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Мировой океан.
- Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации (2010) М.: Дело.
- Теория государства и права (2005) Под ред. С.С. Алексеева (www.be5.biz/pravo/t005/toc.htm).
- Фридман М. (2006) Капитализм и свобода. М.: Новое издательство.
- Харрисон Л. (2014) Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль.
- Чубарова Т.В. (2017) Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода // Общественные науки и современность. № 6. С. 43–54.
- Burgin A. (2012) The Great Persuasion: Reinventing. Free Markets since the Depression. Cambridge (MA); London: Harvard Univ. Press.
- Harrison L.E. (2013) Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Hellman J. (1998) Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition // World Politics. Vol. 50. No. 2. Pp. 203–234.
- Lippmann W. (1934) The Method of Freedom. New York: MacMillan.

Archaic paternalism as an organic part of the “power-property” system

N. PLISKEVICH*

*Pliskevich Natalya – Senior Researcher, Institute of Economics Russian Academy of Sciences, Deputy Editor-in-Chief of the journal “Public Science and Modernity”. Address: 90 Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: ons@naukaran.ru

Abstract

The article attempts to explain why in the Russian conditions, along with the characteristic for the developed countries link between the ideas of liberalism and methods of modern paternalism there exist archaic paternalistic forms. It is shown that the archaism of paternalism largely results from the archaism of the institutional structure, which developed in the country by the early 2000s and only strengthened in the future – the relations system “power-ownership.” The role of responsibility of an individual for his life, as well as his “pater”, is considered, especially in case when the individual is free from any possibility to take an independent decision. Such monopolization by the “pater” of these duties in the modern hierarchical system of access to their execution generates the growth of aggressive adaptive individualism in the masses, which becomes extremely dangerous when the system is weakened.

Keywords: paternalism, individualism, liberalism, freedom, responsibility, “power-ownership”.

REFERENCES

- Ahiezer A.S. (1997) *Rossiya: kritika istoricheskogo opita (Sociokulturnaya dinamika Rossii)*. T. 1. *Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: historical experience of the critic (Sociocultural dynamics of Russia). Vol. 1. From the past to the future]. Novosibirsk: Sibirskiy hronograf.
- Auzan A.A. (2007^b) Koleya rossiyskoy modernizatsii [“Track” of Russian modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 54–60.
- Auzan A. (2007^a) Pora reshitsya na pereuchrezhdenie gosudarstva [It is time to decide on the reestablishment of the state]. *Rossiyskoe gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra* [Russian State: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow: Novoe izdatelstvo, pp. 407–422.
- Bowles S. *Moral'naya ekonomika. Pochemu Horoshie stimuly ne zamenyaut horoshih grajdan* [The Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens]. Moscow: Institut Gaydara.
- Burgin A. (2012) *The Great Persuasion: Reinventing Free Markets since the Depression*. Cambridge (MA), London: Harvard Univ. Press.
- Burgin A. (2017) *Velikaya revolyutsiya idey. Vozrozhdenie svobodnih rynkov posle Velikoy depressii* [The Great Persuasion: Reinventing Free Markets since the Depression]. Moscow: Mysl'.
- Busigina I., Filippov M. (2012) *Politicheskaya modernizatsiya gosudarstva v Rossii: neobходimost', napravleniya, izderzhki, riski* [The political modernization of the state in Russia: necessity, direction, costs, risks]. Moscow: Fond “Liberalnaya missiya”.
- Chubarova T.V. (2017) Paternalizm v sovremennom obshchestve: ot produktivnykh kartochek do bezuslovnoy dohoda [Paternalism in modern society: from grocery cards to unconditional income]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 43–54.
- Friedman M. (2005) *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and Freedom]. Moscow: Fond “Liberalnaya missiya”: Novoe izdatelstvo.
- Gorodeckiy A.E., Rubinshteyn A. Ya. (2017) *Nekotorye aspekty ekonomicheskoy teorii gosudarstva* [Some aspects of the economic theory of the state]. Moscow: IE RAN.
- Grinberg R.S., Rubinstein A. Ya. (2000) *Ekonomicheskaya sotsiodinamika* [Economic Sociodynamics]. Moscow: ISE Press.
- Grinberg R.S., Rubinshteyn A. Ya. (2013) *Individuum & gosudarstvo: ekonomicheskaya dilemma* [Individual & State: an economic dilemma]. M.: Ves mir.
- Gudkov L.D. (2009) Usloviya vosproizvodstva sovetskogo cheloveka [Conditions for the reproduction of the “Soviet man”]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 2, pp. 8–37.
- Diligenskiy G.G. (1997) Rossiyskie arhetipi i sovremennost' [Russian archetypes and modern times]. *Kuda idet Rossiya?.. Obshchee i osobennoe v sovremennom razviti*. Pod obschey redaktsiey T.I. Zaslavskoy [Where is Russia going?.. General and special in modern development. Ed. by T.I. Zaslavskaya]. Moscow: MVSHSiEN; Intertsent, pp. 273–279.

- Harrison L. (2014) *Evrei, konfucianci i protestanti. Kulturniy kapital i konec multikulturalizma* [Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism]. Moscow: Misl'.
- Harrison L.E. (2013) *Jews, Confucians, and Protestants. Cultural Capital and the End of Multiculturalism*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Hellman J. (1998) Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition. *World Politics*, vol. 50, no. 2, pp. 203–234.
- Kapelyushnikov R.I. (2012) Nezatschishchennost prav sobstvennosti i ee ekonomicheskie posledstviya: rossiyskiy opyt [The insecurity of property rights and its economic consequences: Russian Experience]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, no. 1, pp. 61–75.
- Levada Yu.A. (2011) *Sochineniya: problema cheloveka* [Compositions: the problem of man]. Moscow: Izdatel E.V. Karpov.
- Lippmann W. (1934) *The Method of Freedom*. New York: MacMillan.
- North D., Wallis D., Weingast B. (2011) *Nasilie i socialnie poryadki. Konceptualnie ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara.
- Nureyev R.M., Rounov A.B. (2002) Nazad k chastnoy sobstvennosti ili vpered k chastnoy sobstvennosti? [Back to private property or forward to private property?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 5–23.
- Obolonskiy A.V. (2016) *Etika publichnoy sfery i realii politicheskoy zhizni* [Ethics of the public sphere and the realities of political life]. Moscow: Misl'.
- Obshchestvennoe mnenie 2016. Ezhegodnik* (2017) [Public opinion – 2016. Yearbook]. Moscow: Levada-Tsentr.
- Pliskevich N.M. (2016) “Path dependence” i problemi modernizatsii mobilizatsionnogo tipa [“Path dependence” and problems of modernization of the mobilization type]. *Mir Rossii*, no. 2, pp. 123–143.
- Pliskevich N.M. (2010) “Sistema nizkikh zarplat” institutsionalnaya lovushka postsotsialisticheskoy ekonomiki [“The system of low wages” – institutional trap for the post-socialist economy]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, no. 5, pp. 125–146.
- Pliskevich N.M. (2015) Transformatsiya sistemi vlasti-sobstvennosti v Rossii: regionalniy aspekt. Reformi i kachestvo gosudarstva [Transformation of the power-property system in Russia: a regional aspect. Reforms and the quality of the state]. *Mir Rossii*, no. 1, pp. 8–34.
- Polterovich V.M. (2007) *Elementi teorii reform* [Elements of the theory of reform]. Moscow: Ekonomika.
- Polterovich V.M. (2015) Ot socialnogo liberalizma k filosofii sotrudnichestva [From Social Liberalism to the Philosophy of Cooperation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 41–64.
- Potentsial i puti razvitiya filantropii v Rossii*. (2010) Pod red. I. Mersyanovoy, L. Yakobsona [Potential and the development of philanthropy in Russia. Ed. by I.V. Mersyanova, L.I. Yakobson]. Moscow: HSE.
- Rubinshteyn A. Ya. (2008) *K teorii rynkov opekaemih blag* [To the theory of markets of patronized goods]. Moscow: IE RAN.
- Rubinshteyn A. Ya. (2009) K teorii rynkov opekaemih blag. Statya 1. Opekaemie blaga i ih mesto v ekonomicheskoy teorii [Towards the theory of markets of patronized goods. Article 1. Patronized goods and their place in the economic theory]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 139–152.
- Rubinshteyn A. Ya. (2013) *Opekaemie blaga v optike sravnitel'noy metodologii* [Patronized goods in optics of comparative methodology]. Moscow: IE RAN.
- Rubinshteyn A. Ya. (2016) Socialniy liberalizm i konsociativniy paternalizm [Social Liberalism and Consociative Paternalism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 5–38.
- Rubinshteyn A. Ya. (2012) Socialniy liberalizm: k voprosu ekonomicheskoy metodologii [Social Liberalism: to the Question of Economic Methodology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 13–34.
- Sovetskiy prostoy chelovek: opit socialnogo portreta na rubezhe 90-h*. (1993) Otv. red. Yu.A. Levada [Simple Soviet people: the experience of social portrait at the turn of the 90s. Ed. by Yu.A. Levada]. Moscow: Mirovoy okean.
- Socialnaya podderzhka: uroki krizisov i vektori modernizatsii* (2010) [Social support: lessons from the crisis and the vectors of modernization]. Moscow: Delo.
- Teoriya gosudarstva i prava* (2005) pod red. S.S. Alekseeva [Theory of state and law. Ed. by S.S. Alekseev] (www.be5.biz/pravo/t005/toc.htm).
- Vovk V.N. (2010) *Paternalizm v rossiyskom pravovom mentalitete*. Krasnodar: Avtoref. kand. dis. [Paternalism in the Russian legal mentality. Krasnodar: Author's abstract. Cand. dis.] (<http://av.disus.ru/avtoverev-at/1736254-1-paternalizm-rossiyskom-pravovom-mentalitete.php>).
- Zaslavskaya T.I., Shabanova M.A. (2012) Uspeshnye ekonomicheskie aktory kak potentsialnaya modernizatsionnaya obshchnost. Statya 1. Sotsialnye osobennosti i vzaimodeystviye v problemnoy institutsionalnoy srede [Successful economic actors as potential overhauled community. Article 1. Social features and interaction in the problem institutional environment]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 5–23.